

ИЗ БУЛГАРСКОГО ВКЛАДА
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ, II¹

Вклад древних тюркских языков в славянские языки был, вероятно, более значительным, чем это принято считать. Обычно предполагают, что первые тюркские языки Восточной Европы носили болгарский характер, то есть были по своим признакам близки к чувашскому языку. Внимательный анализ фонетических особенностей некоторых древних славянских заимствований с Востока позволяет обнаружить в них следы болгарского посредства и снять некоторые неясности в области фонетики этих заимствований. Нельзя не учитывать также той большой культурной и торговой роли, которую играла Волжско-Камская Булгария в распространении некоторых тюркских болгарских слов среди соседних народов.

русск. *чаша* и т. п.

Это слово характеризуется почти общеславянским распространением: русск. *чаша* 'сосуд полушаром или около того; братина, миса' (Даль); укр. *чаша*; блр. *чаша*; др.-русск. *чаша*; ст.-слав. *чаша* 'ποτήριον'; болг. *чаша* 'чаша, стакан'; макед. *чаша* 'стакан'; с.-хорв. *чаша* 'кубок'; словенск. *čáša*; чеш. *číše* 'кубок', ст.-чеш. *čiešě*; слвц. *čaša*; польск. *czaszka*; полаб. *cosó* (по Бернекеру). Отсутствуют только показания лужицких языков. На славянской почве это слово не этимологизируется, а поиски соответствий в других индоевропейских языках пока не привели к успеху. Сопоставление Ф. Миклошича с др.-прусск. *kiosi* 'кубок', а также с лит. *kiáušė* 'череп', лтш. *kausis* 'череп', на том якобы основании, что из вражеских черепов делали чаши, питье из которых якобы передавало пирующим силу побежденных врагов, или же потому, что чаши имели вид черепов, в дальнейшем осталось неподтвержденным, ибо древнепрусское слово оказалось польским заимствованием, а прочие балтийские формы далеки от славянских и фонетически, и семасиологически. Однако за неимением других убедительных и окончательных этимологий и эта этимология до

¹ Первая статья помещена в ежегоднике «Этимология. 1967». М., 1969.

сих пор не сходит со страниц словарей. В частности, именно исконное родство с др.-прусск. формой отстаивает М. Р. Фасмер.

Гораздо большей популярностью сейчас пользуется предположенная Х. Хьюбшманом и К. Уленбеком этимология, согласно которой славянские названия вместе с санскр. *caṣakas, caṣakam* 'кубок' и арм. *čašak* восходят к гипотетическому иранскому наименованию кубка *čašaka, родственному н.-перс. *čāšidān* 'отведывать', *čauht* 'завтрак' (цитируется по «Этимологическому словарю русского языка» А. Г. Преображенского, где указана литература). Хотя эта этимология, отличающаяся большими небрежностями по отношению к славянскому вокализму (краткость *a* в источнике), а также к семантической стороне заимствования, и была подвергнута критике², она в редуцированном виде получила распространение во многих славянских этимологических словарях как глухое указание на возможный (а иногда без этого осторожного эпитета) иранский первоисточник.

О. Н. Трубачев в монографии «Ремесленная терминология в славянских языках»³ пришел к выводу, что праславянское *čaša, обозначавшее первоначально, по-видимому, низкий сосуд для нитя древней формы с широким отверстием, возможно, было ... „культурным словом“, т. е. это слово заимствовано из другого языка». От восстановления исконной дославянской формы О. Н. Трубачев предусмотрительно отказался: «... хотя формально мы имеем право попытаться восстановить для праслав. *čaša исконную дославянскую праформу *kjaša < *kēša, она едва ли поможет нам продвинуться вперед в этимологии этого слова, напротив, скорее сведет нас с правильного пути. Не имея возможности назвать родственные формы из западных индоевропейских языков, исследователи склонялись к тому, что *čaša заимствовано из иранских языков».

Отказ от весьма проблематичных гипотетических конструированных праформ при отсутствии каких бы то ни было «зацепок» для внутренней реконструкции (все славянские формы ни в чем не уклоняются от регулярной рефлексации праслав. *čaša) является наилучшим решением в подобном случае. Ведь в славянский праязык слово могло прийти или в «готовом» виде как *čaša, или в виде *čēša, *časja, *kjaša, *kēxja, *kāša и т. п. и т. д. Учитывая разного рода субституции, количество дославянских гипотетических форм можно увеличивать до бесконечности.

Если иранский лексический материал непосредственно не дает возможности в настоящий момент обнаружить в древних и современных иранских языках точный первоисточник славянской пра-

² А. Мейе в рецензии на этимологический словарь Э. Бернекера — см. RS II, стр. 66—67; см. также: V a s m e r III, стр. 306.

³ М., 1966, стр. 276—277.

формы, то необходимо подумать о возможном языке-посреднике, который, заимствовав какую-то иранскую форму, видоизменил ее таким образом, что получившие ее из этого языка славяне могли довести ее до легко реконструируемой сейчас праславянской формы *čaša.

Таким отдаленным первоисточником вполне могла быть иранская форма, продолжением которой является перс. کاسه *kaše* 'чаша, чашка', которое легло в основу многих тюркских названий чашки: по свидетельству Л. З. Будагова, это персидское слово в татарском получило значение 'плоская чашка', а в казахском (киргизском, по терминологии XIX в.) — 'полоскательная чашка'. В. В. Радлов отмечает наличие слова *käcä, kesä* в чагатайском, так называемом «восточнотюркском (Osttürkisch)» и в киргизском (каракиргизском, по старой терминологии) со значением 'чашка'⁴. Есть это слово во многих современных тюркских языках: казах. *кесе* (диал. *кәсе*) 'шай ішуге арналған ыдыс, шыны, пиыла', узб. *кеса* 'чашка', каракалп. *кесе* 'чайная чашка, пиала'.

Являются новыми заимствованиями из турецкого языка приводимые О. Н. Трубачевым сербохорватское *hāca* 'вид глубокой глиняной или металлической миски' и макед. *касе* 'глиняная миска'.

Кроме того, оно заимствовано арабами: كأس *кя'с* 'чаша' или كأس *кяс* 'чаша'⁵.

Итак, в персидском کاسه *kaše* 'чаша, чашка' мы видим типичное «культурное слово» — элемент весьма подвижной лексической группы слов самого различного семантического содержания, легко кочующей от одного народа к другому вместе с обозначаемой подобным словом реалией. В заимствовании такого «культурного термина» в качестве посредника между иранскими и древними славянскими диалектами мог выступить один из болгарских языков, который заимствовал от иранцев слово *kaše еще до болгарского перехода прототюркского *s* в *ш*, но передал это слово славянам уже после перехода *s* в *ш* в виде *kāšā. Отсюда и праславянская форма *čaša с морфологической заменой *-ā* на *-a*, причем долгий слог **ča-* развил акутовое ударение. Ср. судьбу начального согласного в славянских и западноевропейских наименованиях сабли, в которых представлено чередование начальных *s/ш*.

В современном чувашском языке старый иранизм типа *каша не сохранился, он был вытеснен новым русским заимствованием

⁴ Л. З. Б у д а г о в. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II. СПб., 1871, стр. 109; В. В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий, т. II. СПб., 1899, стр. 1159—1160.

⁵ О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках, стр. 301. Арабское слово считается и арамейским заимствованием: «Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftsteller». 7. Aufl. Leipzig, 1960, стр. 14.

чашѣк 'блюдо, чашка' (ср. *чей чашѣкѣ (чашики)* 'чайная чашка', *ивѣѣс чашѣк* 'деревянное блюдо'), которое также известно и в более близкой к русскому языку форме *чашкѣ*. Несомненными славянскими заимствованиями являются приводимые Ф. Миклошичем в его «Этимологическом словаре славянских языков» венг. *csése* и рум. *șășke*.

русс. сабля и т. п.

Слово это известно почти всем славянским языкам при тождестве значения: русск. *сабля*, укр., блр. *ша́бля*, др.-русск. *сабля* (в оригинальных текстах употребляется в современном значении 'длинный кривой меч, острый с одной стороны', а в переводных — для передачи греч. *ἐγγχειρίδιον* 'нож, кинжал, небольшой меч'), ст.-слав. *сабѣа*, болг. *са́бля*, *са́бѣа*, *са́бѣя*; макед. *сабја*; с.-хорв. *са́бља*, словенск. *sablja*, чеш. *šavle*, словц. *šabl'a*, польск. *szabla*, н.-луж. *sabl'a*. Из славянских языков заимствованы приводимые только Ф. Миклошичем в его этимологическом словаре литовские формы *šoble*, *šoblis* (явно белорусско-польского происхождения); венг. *száblya*; нем. *Säbel* (более старые формы *sabel*, *sebel*, *sewel*, *seibel*, *saiabel* с XV в.); франц. *sabre* (стар. *sable* с XVII в.); исп. *sable* (с XVII в.); ит. *sciabla*; рум. *sabie*.

Из славянских языков этого названия не знает лишь верхне-лужицкий язык.

Для этого загадочного и не поддающегося даже восстановлению праславянской формы наименования существует множество различных этимологий: 1) из венг. *száblya*; 2) из араб. *سَيْفٌ сайф* 'сабля, меч'; 3) из тюрк. *сап* 'рукоятка вообще (в том числе и у сабли)'; 4) из загадочного древнерусского названия петуха *сабль* в Изборнике 1073 года: *сабл'ь годя въ саблицяхъ веселъ* = ἀλέκτωρ ἐρπεριπατῶν θηλείαις (цит. по Срезневскому III, 237). Ср. ст.-польск. *sabelek* 'kogucik, т. е. петушок'; 5) от тюрк. глагола *чап/шан/чап* (ср. чуваш. *чап, чун* 'бить') 'рубить'; 6) из ср.-греч. *ζαβός* 'кривой'; 7) из камско-булгарского *сабја от финского корня *саб 'резать', откуда венг. *szabni* 'кроить', *szabó* 'портной'.

Не вдаваясь в анализ всех приведенных здесь этимологий, ибо несостоятельность многих из них очевидна или же ясна из приведенного распространения слова в разных языках, ограничусь лишь характеристикой наиболее перспективной, на мой взгляд, этимологии, предложенной Ф. Е. Коршем в «Этимологическом словаре» А. Г. Преображенского. Впоследствии, правда, Корш отказался от этой этимологии.

Булгарская этимология очень хорошо объясняет варьирование согласных *с/ш* в анлауте славянских форм: вероятно, славяне заимствовали этот военный термин у болгаров в тот момент,

когда происходил болгарский переход $c > ш$. Впрочем, возможность заимствования через разные болгарские диалекты также не исключена. Вместе со всеми другими восточными этимологиями названий сабли это объяснение очень хорошо согласуется с общим направлением распространения слова с Востока на Запад. История этого термина во многих языках — яркое свидетельство важной роли Волжской Булгарии как крупного ремесленного и торгового центра Восточной Европы в средние века. Вероятно, из болгарского же языка происходит и изолированно стоящее в казахском языке наименование короткого меча и кинжала — *сапы* и также не имеющее соответствий в других тюркских языках. Возможно, что казахское наименование связано с приводимым у В. В. Радлова⁶ «восточнотюркским» и турецким словом *شاب* *шап* 'прямой меч', которое также не обнаруживает ясных связей. Если о возрасте славянских слов мы кое-что знаем, то относительно казахского слова ничего определенного сказать не можем, точно так же мы ничего не можем сказать о его предистории. Попытка свести воедино источник славянских и казахского слов вынуждает нас остановиться на реконструкции их общего болгарского прототипа в виде **саби*, **сапи* с неустойчивостью в отношении звонкости/глухости интервокального губного смычного. Впрочем, казах. *сапы* в разной степени может быть возводимо и к праформе с начальным шипящим спирантом *ш*, к которой восходят и некоторые славянские формы (как известно, в казахском языке общетюркский согласный *ш* регулярно заменялся свистящим *с*): **шаби*, **шани*. Далее в казахском слове можно предполагать сингармонизацию вокализма по первому слогу, отсюда современное *сапы* с вокализмом заднего ряда. В заключение анализа истории казах. *сапы* необходимо заметить, что значение 'кинжал' объединяет казахское слово с русск. д.-слав. *сабля* 'нож, кинжал' в переводных текстах.

На славянской почве болгарск. **саби*, **шаби* получило типичное для существительных женского рода оформление на *-а*, отсюда **сабіа*, **шабіа > сабі'а*, *шабі'а*. Что касается чешской формы *šavle*, то она восходит к какой-то контаминации более ранней славянской формы типа *šabla* с одной из старых немецких форм с *v* типа *sewel*. Предположить развитие $b > v$ на болгарской почве можно, но тогда обнаружатся затруднения с развитием *l*, которое на чешской почве не возникало. В восточнославянских же языках отсутствуют следы форм с *v*, поэтому единственной возможностью объяснения чешской формы является (вслед за В. Махеком) предположение о контаминации с немецкой формой, содержащей губной спирант *v*.

Хотя слово *сабля* и считается старым заимствованием, в древнерусском языке XI в. оно, очевидно, не было привычным. Например,

⁶ «Опыт словаря тюркских наречий» IV. СПб., 1911, стр. 981.

в «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи слово *сабля* встречается только три раза, а *мечь* — свыше 12 раз. При этом в двух контекстах обнаруживается явное противопоставление сабли как типичного восточного оружия мечу, бывшему весьма обычным оружием восточных славян. Первое упоминание сабли отмечено в самом конце историко-этнографического вступления к «Повести временных лет», где «старцы козарьстии» следующим образом комментировали первую дань, собранную хазарами с восточных славян и которая представляла собою «от дыма мечь»: «не добра дань княже мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною [остромъ — *дополнено по Шлёцеру и Миклошичу*] рекоша саблями а сихъ оружье обоиду остро рекше мечь си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ страна^х». Не столь ярко противопоставляются мечь и сабля в рассказе о событиях 968 г., когда печенеги в отсутствие князя Святослава напали на Киев и после переговоров русского воеводы Претича с печенежским князем был заключен мир. В знак дружбы Претич и печенежский князь обменялись подарками: «и въдасть печенъжский князь Прѣтичу · конь · саблю · стрѣлы онъ же дасть ему · бронѣ · щитъ · мечь». Только под 1086 г. упоминание сабли вполне нейтрально и не включает в себе никакого противопоставления. На основании этих контекстов можно думать о сравнительно недавнем для XI в. заимствовании названия сабли вместе с самой реалией, которая относилась к тюркскому оружию, противопоставлявшемуся привычным славянским мечам.

Независимо от окончательной этимологии славянских наименований сабли, представляется несомненным, что все они отражают типично болгарское чередование *с/ш* в начале слова, а потому можно думать, что славяне получили саблю вместе с наименованием от какого-то болгарского народа (или народов) в период возникновения болгарско-тюркского соответствия *ш/с*.

В современном чувашском языке в качестве названия сабли используется слово *хёс*, восходящее к общетюрк. *қылыч* и имеющее теперь значение 'меч, сабля'; кроме того, употребляется и русское заимствование *сапал, саплё* 'сабля' ⁷. Было бы интересно проследить, какие названия употреблялись в качестве наименований меча и сабли до заимствования русск. *сапал, саплё*; но, к сожалению, история лексики чувашского языка и его диалектов до сих пор остается неисследованной.

русс. диал. *шурка* 'овца'

В книге О. Н. Трубачева «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» ⁸ приводится, вероятно, по «Смо-

⁷ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 301; А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963, стр. 46.

⁸ М., 1960, стр. 81.

ленскому областному словарю» В. Н. Добровольского⁹ русск. *шурка* 'овца', оставленное без этимологии. Аналогичное название отмечено также в «Словаре белорусского наречия» И. И. Носовича: «*Шурка* — овца. *Шурки бегуць в двору*».

Прежде чем давать этимологию этого сугубо восточнославянского слова, целесообразно упомянуть также казанское диалектное наименование овцы *сарга́* (Даль). Этимология последнего не вызывает никакого затруднения: это преобразованное (возможно, из притяжательной формы с озвончением конечного согласного) татар. *сарык* 'овца'. Родственные формы обнаруживают башкирский (*һарыҡ*), казахский (*сарық* или *мәліш* 'овца русской породы'), каракалпакский (*сарық* 'название одной из пород овец, без курдюка'), а также чувашский (*сурăх* 'овца'). Все эти тюркские слова не имеют никакой этимологии. Сближение всех этих слов с русск. *ярка*, предложенное А. М. Щербаком: «Следует обратить внимание на значительное фонетическое сходство рассматриваемого слова с русским *ярка*. В этой связи показательно наименование словом *сарык* в казахском, каракалпакском и татарском языках овцы без курдюка, овцы русской породы», — справедливо оценивается у В. Г. Егорова как сомнительное¹⁰.

Морфологическое оформление русского диалектного *сарга* было обусловлено воздействием со стороны исконного *овца*, откуда оформление тюркизма типичным окончанием женского рода *-а* в именительном падеже.

Среди тюркских форм обращает на себя внимание полное тождество анлаута: во всех языках, кроме башкирского, представлен начальный *с-*, хотя в чувашском языке следовало бы ожидать *ш-*. Форма с начальным *ш-* обнаруживается в марийском *шорык* (в вокализме отражено произношение верховых чувашей — *сорăх*, а конечное *к* находит точное соответствие в сундырском диалекте чувашского языка — *сорăк*), в горно-марийском *шарык*¹¹. Впрочем марийский анлаутный *ш-* мог возникнуть из более старого *с-* на марийской почве¹². Но русская и белорусская формы *шурка* с неоспоримостью свидетельствуют о наличии древнечувашской формы *шурăк 'овца', которая на восточнославянской почве подверглась таким же преобразованиям, как и этимологически родственное *сарга* в русских говорах Казанской губернии, под влиянием русск. *овца*. Современное чувашское название овцы *сурăх*

⁹ Смоленск, 1914, стр. 1009.

¹⁰ А. М. Щербаков. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 111; В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка, стр. 197.

¹¹ М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965, стр. 114.

¹² Там же, стр. 21.

явно вторично: оно возникло в результате сравнительно позднего подновления слова по татарскому образцу, но затронуло лишь начальный согласный, не повлияв на вокализм. В русском же диалектном *шурка*, а также, возможно, марийском *шорык* отражен более древний облик чувашского названия овцы.

Что касается болгарских диалектных названий стада овец *сурѝа*, *сюрѝк*, *сюрѝя*, *сирѝя* (дунницк., ольшанск. — СССР), приводимых О. Н. Трубачевым в указанной в этом разделе книге (стр. 105), то они не имеют никакого отношения к рассмотренному названию овцы, а являются переделкой тюркских слов *сӱрӱ*, *сӱрӱк* 'стадо, толпа, множество, войско'¹³.

---

¹³ Автор выражает глубокую признательность Л. С. Левитской за многие ценные справки по чувашскому языку.